УДК 94 (571.1): 332.021.8
ББК 63.3(2)

Николай Михайлович Морозов
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт экологии человека СО РАН,
лаборатория истории Южной Сибири
(Кемерово, Россия), e-mail: Oven.777@mail.ru

Державность в современной историографии (проблемы царской власти XVIII – начала XX вв.)

В статье анализируется структуралистский подход в современной историографии консервативной мысли XIX–начала XX вв., направленный на изучение сложившегося в данный период пространства осмысления идеи державности, укоренённой в общественном сознании, выраженной в самодержавной функции русского монарха. Показана обусловленность религиозной миссии русского самодержца – защитника и хранителя веры, эсхатологическими мотивами русского православия. Выявлены приёмы изучения динамики метафизической связи представителей различных сословий: дворянской аристократии, духовенства, простолюдинов, с царём. Исследователи отмечали характерные для высшей аристократии и служащих отклонения от канонического восприятия власти, среди которых традиции православного вероисповедания оказались наиболее подвержены эрозии со стороны проникавших в российское общество европейских либеральных идей и верований. Автор отстаивает идею о необходимости отличать исторический смысл понятия «самодержец» от таких понятий, как «монарх», «единовластец», «император», «государь».

Ключевые слова: державность, самодержавие, религиозно-нравственная функция, структурализм, консервативная мысль.

Nikolay Mikhailovich Morozov
Candidate of History, Researcher,
Institute of Human Ecology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Laboratory of SouthSiberia History
(*Kemerovo, Russia), e-mail: Oven.777@mail.ru*

Great – Power Status in Modern Historiography (Problems of Imperial Authority in the 18th – Beginning of the 20th Centuries)

This article analyzes a structuralist approach in modern historiography of a conservative thought of the early 19th–beginning of the 20th centuries, targeted at the study of the idea of statehood existing in a given space period of understanding, which is rooted in the public consciousness, expressed in the function of the autocratic Russian monarch. Conditionality of religious mission of the Russian autocrat − protector and guardian of the faith – has been shown by eschatological motives of the Russian Orthodoxy. The paper identifies methods of studying the dynamics of metaphysical connection of representatives of various social classes with the czar, e. g. aristocracy, clergy, commoners, etc. The researchers have noted deviations from the canonical perception of power common to the aristocracy and servants,among which the traditions of the Orthodox faith were most prone to erosion by the European liberal ideas and beliefs invading Russian society. The author defends the idea of necessity to distinguish between the historical meaning of the term ‘autocrat’ and such concepts as monarch, monocrat, sovereign (czar).

Keywords: great − power status, autocracy, religious and moral function, structuralism, conservative thought.

Проблема царской власти, явно или имплицитно присутствующая в работах по дореволюционной тематике, требует адекватного терминологического аппарата, способного подчеркнуть разницу между функциями монархии: как общими для любой из стран, переживших в своей истории данный тип правления, так и особенными, как например, для её российского варианта. В современной историографии, как впрочем, и в советских науках об обществе, пока преобладает синонимизация таких понятий, как «монарх»,

© Н. М. Морозов, 2013

«единовластец», «царь», «самодержец», «император», «государь», которая противоречит их историческим смыслам. Автор намерен обратить внимание на недооценённое значение идеи державности, конкретизирующей специфику традиционной для России верховной власти, воплотившейся в её самодержавной функции.

В литературе встречаются различные трактовки державности: как принципа устройства российского общества (М. М. Кожаев), или государства (Е. В. Алексеева, Е. З. Майминас). В святоотеческих и светского характера текстах толкование идеи включает канонические сюжеты о соборности и симфонии властей, об этатизме, патернализме, о сакральности образов коронованных особ. Это даёт право выделять державность в качестве информативной и ключевой смысловой конструкции, глубоко укоренённой в историческом сознании русских. Рассуждения о ней можно встретить в духовном наследии книжников XI в. и последующего времени. Поставим задачу выявить специфику использованных на рубеже XX–XXI вв. подходов к изучению сложившегося в XVIII – начале XX вв. пространства осмысления идеи державности, выраженной в форме самодержавия.

В последние два десятилетия одним из основных каналов усвоения указанной идеи являлось изучение сферы религиозного восприятия самодержавия, которое проводилось с позиции структурализма [9; 30; 31; 32], а также анализа наследия консервативной мысли XIX – начала XX вв. [7; 10; 22]. Исследовательская оптика фокусировалась на подвижном состоянии веры представителей различных социальных страт в небесную миссию земной верховной власти.

У последователей структурализма, представлявших историческую науку и социальную философию, рассуждения о динамике общественных настроений тем или иным образом касались ставшего очевидным в XVIII в. процесса расслоения в духовном мире образованной части общества ощущений метафизической связи с царём. Предметом исследования избирался, как правило, образ императора, сформировавшийся в сознании дворянства, среди старообрядцев и других страт, включая население отдельных уездов (губерний). Изучались колебания настроений и случаи отклонений в установках социальных групп, свидетельствовавшие об очагах повышенной эрозии идеала верховной власти, сложившегося в XIV–XVI вв. в силу убеждённости населения Московского царства в истинности канонической идеи об «Удерживающем» (греч. «катехон»), в обоснованности перемещения на Русь центра православия, о чём писал в начале XVI в. монах псковского Елеазарова монастыря Филофей, формулируя идею «Третьего Рима».

Одним из центральных сюжетов большинства современных работ явился анализ состояния соборного единения[1] в отдельных звеньях цепи знаковых для характеристики самодержавия отношений: «царь – дворянство», «царь – церковь», «царь – народ», а также в оппозиции должного и сущего в духовном мире личности монарха. Исследователи по примеру советской историографии отождествляли понятие монархии, конкретизирующей тип правления, с царством и империей, пришедшими в российский политический лексикон со своими значениями из византийской и европейской социокультурной среды, с понятиями «самодержавие» и «единовластие», выражавшими традиционные функции и одновременно признаки российской верховной власти.

Обратимся к трудам И. Ф. Худушиной, которая видела в самодержавии не только верховную власть и правительство. Она писала, что «…это прежде всего ещё и самодержавная идея как сущностное выражение царственного священного бытия и как некая абсолютная данность, имманентная русскому сознанию, вне которой общество себя не мыслило, очевидно, вплоть до середины 30-х гг. XIX в. (если не более), но именно с этих пор в мучительном напряжении начиная её преодолевать» [31, с. 11].

Исследовательница сосредоточилась на изучении восприятия самодержавия в конце XVIII–первой трети XIX вв. основными субъектами данной власти. В указанный период параллельно с проникновением в элитарное мышление европейского рационализма шёл процесс переосмысления личностью, ещё не усвоившей мысль о своей самоценности, но уже заявившей о своём существовании, собственного отношения к историческим реалиям, в том числе, и понимания основ верховной власти. Признаки данной тенденции

[1] Употребляя понятие «соборное единение», использованное в XIX в. представителями религиозной историософии для указания на присутствие мистического смысла в духовной связи между царями и их подданными, мы преследуем цель уклониться от ненужной модернизации истории посредством её описания в терминах современного научного языка, сложившегося под влиянием развивавшегося атеистически-рационального мышления. Согласно А. Л. Анисину, «…интерпретация понятия о церковной соборности состоит в том, что совершенная полнота и целостность духовного единства личностей в богочеловеческом организме Церкви».

И. Ф. Худушина отметила, прежде всего, в новых мировоззренческих установках у носителей самой идеи.

Для самодержцев священство русского монарха было очевидным потому, что утверждалось в таинстве обряда миропомазания, впервые совершённого в 1547 г. Иваном IV. В силу этого он становился для всех православных высшим и непосредственным исполнителем воли Божьей, а также открывалась нерасторжимая духовная связь между царём и его подданными. Монархи посредством обряда возлагали на себя ответственность перед Создателем за вверенный народ и государство. Теперь монарх рассматривал своё положение как равноценное положению главы всей православной церкви и даже более высокое в сравнении с чином патриарха. Во время богослужения в храме монарх принимал участие в литургии, находясь внутри алтаря, причащался непосредственно из чаши и проходил через Золотые ворота, что являлось прерогативой лиц исключительно иерейского уровня.

По версии Н. А. Герцена, Пётр I разделил понятия «государь» и «государство». Если в XVII в. население Московского царства считало, что человек, служа государству, служит государю, то в XVIII в. начинается смещение смыслов долженствования посредством вытеснения жизненных императивов, соизмеряемых, главным образом, с религиозными ценностями, императивами, способствовавшими достижению утилитарных целей в рамках православной гуманистической культуры. Служение государю стало рассматриваться как служение Отечеству, как и сам царь, хранитель веры, предстаёт перед народом уже в образе слуги Отечества, «труженика на троне»[1].

Следование новым мировоззренческим максимам, привносившим новизну в социокультурное пространство России, не исключало активного воздействия на сознание реформаторов стереотипов предшествующей исторической эпохи. Так полагали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, рассматривавшие ряд преобразований Петра I «…как кардинальные переименования в рамках уже существующего культурного кода» [28, с. 128]. В отдельные моменты идея «Третьего Рима» оказывала, по их мнению, давление на реальную политику и воплотилась в символах петровского времени: в переносе столицы в Санкт-Петербург и его противопоставлении Москве; в строительстве новых архитектурных ансамблей, имитировавших облик шедевров римского зодчества; в барочной традиции, очаровавшей «высший свет», и др.

В течение столетия представители династии Романовых своеобразно решали вопрос о престолонаследии. Впрочем, ни дворцовые коллизии, ни дух европейского скептицизма, проникавший в аристократическую среду, ещё не могли поколебать внутренней потребности её представителей и населения страны, в целом, верить в истинность традиционного образа самодержца как посланника Бога, хранителя православной веры и христианских принципов, которые, собственно, и укрепляли легитимность верховной власти [7, с. 260]. Самодержавие, как и прежде, отождествлялось с идеалом российской государственности.

Как известно, XVIII в. считается периодом интенсивного проникновения в умы образованной части российского общества приёмов рационального мышления с попытками гипотетически примерить на русскую почву теории «естественного права», «общественного договора» и другие идеи о совершенствовании светского государства, взятые из «штудий» представителей европейской гуманистической мысли (Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера и др.). Ко второй половине столетия сформировалась система общественно-политических взглядов, известная в науке как идеология просвещённого абсолютизма, связанная с именем самой императрицы Екатерины II и деятелями русской культуры, представлявшими консервативное (И. Т. Посошков, А. П. Сумароков, М. М. Щербатов) и дворянско-либеральное (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин) направления мысли. В умах дворянства екатерининской эпохи актуализировались мечты не только о праведном и благочестивом, но также образованном и нравственно безупречном монархе, заботящемся о благе своих подданных и управляющем по разумным, справедливым законам [13, с. 85–86].

Наиболее деликатным для исследователей оказался вопрос о том, насколько глубоко и искренне Романовы воспринимали и выполняли свою миссию Отца (Матери) русского народа и Помазанника Божьего после

[1] По мнению Б. А. Успенского, понятие «сын Отечества», использованное Феофаном Прокоповичем в наименовании Петра I в «Песни победной», посвящённой победе в Полтавской битве, могло означать связь царя с «духовным отцовством». С принятием в 1721 г. титула «император» Пётр I одновременно стал официально титуловаться и как «сын Отечества», что ранее применялось только к патриархам, в том числе константинопольским и александрийским. Не случайно в данный период в России было упразднено патриаршество, и император возглавил Церковь. Патриарший пост до 1917 г. оставался за российскими монархами [28, с. 52, 56].

венчания на царство и произнесения клятвы на Библии перед святыми иконами. Несомненно, проникновенность царствовавших особ в смыслы российской власти не могла между ними быть равной в силу меняющейся исторической обстановки, степени их индивидуальной подготовленности к исполнению обязанностей верховного правителя при наличии тех качеств, которыми они характеризовались как личности. Не следует забывать и волю случая, вознёсшего на трон Екатерину I, Анну Иоанновну, Петра III и Екатерину II, получивших воспитание и образование в католической среде, кроме Анны Иоанновны, тем не менее, не выражавшей симпатий к традициям собственного народа [1, с. 147].

В современной литературе анализировались противоречивые религиозные убеждения Александра I, названного в народе Благословенным. Испытывая влияние проникшего в Россию ещё с петровских времён идейного масонства, он видел прообраз церкви Небесной и залог земного счастья в мистической «внутренней» церкви, устроенной в душе каждого христианина, указывающей путь преодоления различий в вероисповедании[1]. Подобные убеждения являлись весьма странными для главы православного мира, в действительности имевшего сложную систему верования, базирующуюся на протестантизме, пророчествах и полной веротерпимости к христианским церквам и сектам. Напротив, учёные не находили повода усомниться в глубоком осознании религиозного смысла самодержавной власти последующими коронованными особами, начиная с Николая I, упорядочившего процедуру престолонаследия и заложившего систему воспитания цесаревичей в лоне Отечества, родительской семьи и традиционной веры.

И всё-таки, имевшиеся в истории династии Романовых случаи противоречия между религиозными убеждениями монарха и долгом выполнения самодержавной функции не могли не сказаться на деформации восприятия власти ближайшим окружением.

Для дворянской аристократии, приближённой к персоне монарха, вера в божественную природу самодержавной власти не являлась незыблемой. Отдельные её представители, очевидно, легко могли расстаться с трепетным чувством к царствующим особам, о чём свидетельствовали дворцовые перевороты в XVIII столетии. Выступление декабристов (1825) показало уже свершившееся раздвоение мировоззренческих установок поколения, участвовавшего в войне 1812 г., выразившееся в неосуществлённом выборе между сложившимися нравственными императивами и политической волей осуществить задуманные новации на государственном уровне.

Симптомы ломки традиционного мировоззрения И. Ф. Худушина, Е. А. Вишленкова, Ю. Е. Кондаков, З. П. Тинина и другие исследователи усматривали в усложнении социокультурной сферы, а именно:

– в развитии самостоятельной от церкви светской культуры;

– в обострении на рубеже XVIII–XIX вв. религиозного сознания общества и в распространении на этом фоне христианских, «сатанинских» (в оценках православных – Н. М.) течений (хлыстов, скопцов, квакеров, гернгутеров, ультрамонтанов), в поощрении деятельности других конфессий;

– в общем политическом курсе монархов на создание в России атмосферы веротерпимости как залога управляемости подданных [8; 15, с. 332–339; 27, с. 211–213].

Среди дворянства в течение XVIII в. росла популярность доктрины масонства, сосредоточенной на построении утопических проектов евангельского государства, основанного на филантропии и нравственном совершенствовании личности [29]. Оставаясь сугубо элитарным явлением, масонство, как пояснял в своё время В. В. Зеньковский, утверждало естественные для русских «…примат морали и сознание долга служить обществу» и несло в себе ростки новой религии, обещая человеку обретение благодати без посредничества церкви, что в будущем неизбежно вело к утрате российской властью своего божественного ореола [31, с. 161, 147–157].

Екатерину II такой поворот в умах элиты сильно беспокоил, и на ложи налагались относительно мягкие, но всё-таки запреты. В эпоху Александра I общества «вольных каменщиков» дождались новой легализации (1810) с постановкой их деятельности под правительственный контроль. Окончательный запрет был наложен рескриптом 1822 г. в связи с изменением внешнеполитической конъюнктуры, связанной с несовпадением поддерживаемых императором идей христианского космополитизма с новыми задачами Священного союза европейских государей, ставшего оплотом их борьбы с собственным

[1] О противоречивости религиозных убеждений Александра I в своё время писал великий князь Николай Михайлович (1859–1919) [1, с. 12–13, 180, 185; 14, с. 33–45].

народом и с национально-освободительным движением [25, с. 15–22].

Российский вариант масонства вследствие непонятой обществом противоречивости его идейных установок, в первой трети XIX в. всё более замыкался на конспиративной обрядовости, на задаче сохранения мистической «тайной энергии». Тем не менее, общий всплеск религиозных исканий повлиял на пробуждение в 1830-е гг. отечественной философской мысли, представители которой разделились на апологетов и критиков самодержавной власти [1, с. 162–163; 31, с. 151, 163].

Положение православной церкви в XVIII–начале XX вв. в социальной иерархии по внешним признакам не соответствовало принципу симфонии светской и религиозной властей, в мечтах о которой в XI–XVI вв. формировались представления о сущности самодержавной власти. Надо признать, что церковь в течение всего XX в. изучалась отечественной наукой преимущественно с позиций сциентизма как фундаментальный духовный институт, который занимает определённое место относительно другого фундаментального, но уже политического института – государства. В арсенале исследователей имелось три аксиоматичных варианта для обозначения их взаимоположения: симфония (равнозвучие) властей, цезаропопизм (принцип главенства царства над священством), папоцезаризм (принцип главенства церковной власти). Увидев в истории России признаки реализации цезаропопистской версии [2, с. 97; 26, с. 36; 23, с. 22–23], учёные использовали её в качестве универсальной аналитической фигуры, которая не требовала дополнительных пояснений, но служила опорой рассуждениям о сложившейся системе государственного администрирования религиозных структур.

Для характеристики отношений в звене «царь–церковь» И. Ф. Худушина использовала широко употреблявшиеся в историографии и превратившиеся в клише фразеологические обороты, как например: «религиозно-государственная идеология эволюционировала в государственно-религиозную», «церковь была заложницей государства», «проводилась политика растворения церкви в государственной системе» и другие, резюмировавшие господствующее положение светской власти [31, с. 77, 127, 168]. Неоднократно подчёркивалась мысль о несоответствии службы в приходах новым духовным запросам общества, службы, компрометировавшей себя излишней обрядовостью и низким культурным уровнем духовенства.

В данном контексте бесспорным выглядел вывод о том, что «…секуляризация XVIII века неизбежно вела к обмирщению и формализации веры, но при подчёркнутом пиетете по отношению к православию», и если первый раскол (середина XVII в.) отвернул часть общества от официальной церкви, то второй, связанный с деятельностью Петра I, – от культуры, «…традиционная культура… волевым порядком оказалась низведённой до уровня крестьянской, земледельческой» [31, с. 120, 170]. Таким образом, рисовалась удручающая картина неуклонно наступавшего кризиса религиозной компоненты власти монарха, за которым логичным было ожидать кризис веры и её идеалов, вошедших в сознание народа.

В ходе инициированной Петром I секуляризации с определённой периодичностью материально и организационно то ослаблялись, то затем вновь стабилизировались возможности церкви в духовном окормлении народа [34]. На один из периодов угнетения священнослужителей косвенно указала И. Ф. Худушина, повествуя о воспоминаниях английского историка Уильямса Кокса − автора «Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию» (1778), заметившего при посещении домов петербургской знати отсутствие среди гостей представителей белого духовенства. Англичанин причиной игнорирования архиереев посчитал увиденную в приходах грубость, неотёсанность попов, неумение многих из них читать на латинице Евангелие [31, с. 133]. Впрочем, иностранец мог и не догадаться о возможном существовании в данный период более веской причины – резкого неприятия иерархами масонских увлечений дворянства.

На рубеже XX–XXI вв. учёные, не отвергая смысловые обороты славянофилов, находились в поиске инструментария и научного языка, которые бы позволили адекватно выразить степень влияния церкви в синодальный и постсинодальный периоды на верования народа, в том числе на сохранение в общественном сознании нравственного идеала самодержавной власти. Причинно-следственные связи относительно включения в 1721–1917 гг. церкви в систему государственных учреждений выводились из понимания стратегии единовластных царей устранить потенциально возможный политический конфликт с патриархом. При этом на периферии внимания в данной проблеме оставался один

важный момент, который побуждает пересмотреть однозначность заявлений о господстве принципа цезаропопизма в политической истории России, верного только в организационно-управленческом контексте. И здесь уместно говорить о нераздельности властей в лице одного человека, одновременно выполнявшего функции самодержца и государя, о наличии симфонии между священниками и народом, с одной стороны, и царём – Предстоятелем православной церкви, с другой стороны.

Эта связь проявлялась в наивном монархизме XVIII–XIX вв. и обнаруживала себя по ряду признаков, выделенных И. В. Побережниковым на примере уральского региона [18, с. 31–35].

В разговорной речи и в фольклоре жителей Каменного пояса был показательным оттенок патернализма, о чём красноречиво свидетельствовали эпитеты: «наш батюшка восударь», «батюшка православный царь» и другие вероисповедные фразеологизмы («благочестивый», «благоверный царь»). Сопряжение имён бога и царя зачастую производилось с одновременным наделением их синонимичными качествами («Воля Божья, а суд государев», «Есть воля Божья и твоя царёва» и т. д.).

По представлениям общества самодержец как духовный правитель стоял выше закона и был ограничен лишь собственным словом. С его именем связывалось исполнение сокровенных надежд, а функция защитника интересов подданных распространялась уже на всех членов правящей династии.

Идеализация монарха проявлялась в его отделении от властвующей элиты и даже в противопоставлении ей как досадного барьера между царём и народом.

До событий 1917 г. у служителей церкви, как и в народе, достаточно стойким было не только ощущение духовного созвучия церковной и самодержавной властей, но и убеждённость в истинности веры и миссии Удерживающего, помогавших духовенству преодолеть выпавшие испытания в смирении, в повседневной службе Богу и в небезуспешном просвещении народа (вспомним широкую сеть церковно-приходских школ), наследников престола и монархов [17].

Не случайно в день отречения Николая II (2(15)03.1917) иерархами была явлена Державная чудотворная икона Пресвятой Богородицы[1] с изображением Божией Матери, увенчанной царским венцом, облачённой в царскую порфиру, держащую в руках державу и скипетр [24, с. 493]. Икона свидетельствовала, что в духовном смысле самодержавие не покинуло свой народ, а функция Удерживающего перешла в Дом Пресвятой Богородицы – небесной покровительницы России, в которой, по представлениям верующих, символически совмещаются образы языческой Родины – Матери-сырой Земли и христианской Церкви – невесты Христовой [4, с. 86].

Как видим, структуралистский подход в исследовании проблемы религиозного восприятия в XVIII – начале XX вв. самодержавия был нацелен на выявление динамики разнообразных оттенков ощущения народом сложившегося политического ландшафта, отражающего, в том числе, сложную психологическую конфигурацию его метафизической связи с монархом. Было отмечено, что отклонения от канонического восприятия власти имели место преимущественно в среде дворянства и служащих, среди которых традиции православного вероисповедания оказались наиболее подвержены эрозии со стороны проникавших в российское общество европейских либеральных идей и верований. Исследователи напрямую не обращались к теме державности, но она имплицитно присутствовала в рассуждениях об устойчивой ориентации большей части общества на религиозный идеал российской власти.

В рамках анализа консервативной мысли XIX – начала XX вв. религиозную компоненту в восприятии обществом верховной власти выделяли А. Н. Боханов, О. А. Милевский, А. В. Пролубников, А. В. Репников, М. В. Шерстюк и другие специалисты, главным образом, в области исторических и юридических наук. Они отмечали развитие в тот период познавательных практик как религиозно-философского, так и радикального направлений в интерпретации самодержавия. Для образованной среды XIX в. была характерна атмосфера нараставшего идейного противостояния между сторонниками вектора развития российского государства с опорой на традиционные формы организации общества и самодержавную власть, именуемыми в историографии консерваторами, и адептами либеральных концепций власти, в пределе ориентированных на обслуживание частных интересов личности, исповедующей ценно-

[1] Икона датируется концом XVIII – началом XIX вв. Есть предположение о её принадлежности кремлёвскому Вознесенскому женскому монастырю. Перед началом войны 1812 г. была спрятана в Вознесенской церкви с. Коломенского. Позже была обнаружена в подвале храма сильно загрязнённой. С 1990 г. она находится в церкви Казанской иконы Божией Матери в Коломенском [6, с. 565–566].

сти набиравшего экономическую и политическую мощь капиталистического уклада.

В персонах, олицетворявших российское западничество, среди которых были государственные деятели высокого ранга, философы-патриоты, представители разночинной интеллигенции, промышленного и иного капитала, ещё сложно было опознать ту силу, которая оказалась нацеленной на вытравливание из собственного и в перспективе – из народного сознания, унаследованного от предыдущих поколений, нравственного смысла российской монархии. В интеллектуальном споре обозначились разнонаправленные мировоззренческие установки на переосмысление духовных основ государственной власти, выступившей инициатором и организатором модернизации страны на индустриальной основе. С одной стороны, представители религиозно-философского направления пробовали теоретически обосновать важность православной миссии самодержавия и его сохранения как ответственной перед народом власти, органичной для российского общества, с другой стороны, традиционное сознание социума подтачивали радикально настроенная позитивистская, либеральная, социал-демократическая и социалистическая мысль.

В поиске теоретических основ и соответственно развёрнутого ответа на вопрос «Что есть русское самодержавие» – А. Н. Боханов пишет об отсутствии в XIX в. таковых. В позитивистской науке последних двух столетий он заметил подмену проблемы идеократической, с его точки зрения, верховной власти – проблемой абсолютизма, подчёркивавшей неограниченные политические полномочия монарха [7, с. 287]. Таким образом, в конце XX в. не потеряло своей актуальности предостережение, высказанное ещё Н. Ф. Фёдоровым и В. О. Ключевским, считавшими недопустимым смешивать истинное самодержавие, предполагающее мессианскую функцию царя, с единодержавием, т. е. с абсолютизмом власти, оторванной от народа [11, с. 69–70]. Отождествление понятий являлось, по мнению историка, признаком секулярных знаний, характерных для либеральной общественной мысли XIX в. Такой подход находил поддержку у правоведов (М. М. Сперанский, А. Д. Градовский и др.), толковавших российскую власть исключительно в категориях западноевропейской социологии, не считаясь с традиционным русским правопониманием, «…где фактическое и формальное далеко не всегда не только не сливались, но порой вообще не находились в состоянии смысловой гармонии» [7, с. 291–293, 304].

Симпатии автора оказались на стороне религиозной философской мысли, представленной идеями славянофилов (К. С. Аксаков, А. С. Аксаков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин), представителей русской культуры (П. Я. Чаадаев, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский) и отечественной консервативной мысли (М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, В. В. Розанов, Д. А. Хомяков и др.). Анализ метаморфоз самодержавия и его историософских осмыслений преследовал цель подтвердить собственную гипотезу, сформулированную в следующем виде: «Фокусом русской истории, её «магическим кристаллом» неизменно выступал монарх-правитель, наделённый не просто властными прерогативами, но и нравственным бременем долга и ответственности, равнозначных церковному послушанию» [7, с. 17].

Ещё раз отметим: как явный поборник классической научной рациональности А. Н. Боханов утверждал отсутствие теоретического обоснования самодержавной власти, но как вдумчивый исследователь – выделял историософские интерпретации богословского учения о религиозной миссии российского монарха. Сложно представить в ином виде концептуальный интерьер самодержавия: без библейской догматики, без святоотеческой речевой стилистики, с опорой на приёмы рационального мышления. Стержневой момент народного восприятия власти царя и царём своего положения – «Богоявленность» не предполагала «вольных», нерелигиозных трактовок.

Очевидно, по причине внутреннего конфликта между усвоенным методом познания и иррациональной природой предмета исследования Александр Николаевич усмотрел в суждениях Н. М. Карамзина, первым определившего место и роль самодержавия в истории России, и митрополита Филарета Московского (Дроздова), писавшего о сущности царской власти, только лишь сумму ценностных ориентиров. Уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность» (1832), представленная как парафраз старого воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество!», была названа базовым принципом, эмблемой православного государственного мировосприятия [7, с. 60–64, 75].

Историографами консервативной мысли второй половины XIX – начала XX вв., как и

А. Н. Бохановым, отмечалась объединяющая всех представителей данного направления идея об органичности и самобытности российского самодержавия, выступавшая в трудах одной из основных сюжетных линий [12, с. 18–19; 19, с. 8–9; 21, с. 14–19; 35, с. 27–28]. Впервые опубликованные в «Православном собеседнике» (1861–1863) забытые послания монаха Филофея побуждали философов второй половины XIX в. к размышлениям о прочно усвоенной русскими в течение последних четырёх столетий религиозно-политической максимы – «всякая власть от Бога». Эта идея закреплялась как в глубокой вере народа в существование его неразрывной связи с царём, которая не вписывалась в исторические схемы новомодного материализма, так и в отождествлении самодержавия с «верховной властью нравственного идеала» [33, с. 13][1].

Системный взгляд на сущность верховной власти в России был обнаружен в концепции монархической государственности Л. А. Тихомирова, выделившего характерные признаки «истинной (самодержавной)» монархии:

– «божественная делегация царской власти;

– верховенство монарха и его независимость от любых источников власти;

– юридическая безответственность монарха» [33, с. 116–117].

Тем не менее, к концу XIX в. не произошло оформления политико-правовой доктрины самодержавной власти, как полагал А. В. Репников, ссылаясь на точку зрения обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева, считавшего невозможным анализировать сущность самодержавия в отрыве от религиозных принципов [22, с. 31].

Для исследователей наследия русской консервативной мысли был очевиден факт осознания её представителями тесной взаимосвязи и взаимообусловленности православия и самодержавия, не исчезнувших в ходе событий 1917 г. и наступившего духовного кризиса общества, связанного, в том числе, с десакрализацией персоны монарха. После свержения Помазанника Божьего в умах большей части российского народа произошла инверсия православной веры в свою противоположность – воинствующий атеизм.

Таким образом, обществоведы на рубеже XX–XXI вв. опосредованно освещали идею державности, возвратив в научный оборот знания о религиозной сущности самодержавной власти, которые накапливались в пространстве русской консервативной мысли в течение XIX в.: в историософской публицистике, в творчестве писателей (Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др.), в трудах по истории России, создаваемых в условиях утверждающейся научной рациональности и религиозного ренессанса начала XX в., возникшего, согласно Н. А. Бердяеву, в преодолении материализма, позитивизма и утилитаризма, в глубоком и остром осознании интеллектуалами «…пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации и пр…» [5, с. 231, 278]. Новизна идей о самодержавии была обнаружена в своеобразном облечении эсхатологических мотивов русского православия, выпестованных богословием, в смысловые формы, синтезировавшие богословское понимание царского послушания и философское мировоззрение образца второй половины XIX в., сосредоточенное на духовном мире русского человека, уже стремившееся выразить себя в реализме [20, с. 132–133].

Изучение феномена русской консервативной мысли и одного из его продуктов – объяснение религиозной сущности российской монархии, осуществлялось в разрезе научной парадигмы о развитии общества через борьбу идей и противоборство образов мышления. Психологические аспекты политической власти интересовали учёных конца XX в. в той мере, насколько их ориентированная на классическую рациональность методология позволяла вычленить явные проявления укоренённости в общественном сознании XVIII – начала XX вв. традиционных представлений о самоценности Помазанника Божьего, усвоенных и изящным языком сформулированных в трудах русских философов. В целом, исследователи русской консервативной мысли выявили глубокий уровень осмысления в XIX в. специфики верховной власти в России, после событий 1917 г. на десятилетия застывший в шаге от процедуры её идентификации в интерьере ментальных структур. Инструментарий требуемой комплектации, адекватный для успешного решения этой проблемы, появился в европейской науке немногим более десятилетия позже в области аналитической психологии, базирующейся на юнговских архетипах.

[1] Аналогичную оценку высказал О. А. Милевский в отношении взглядов поздних славянофилов и мыслителей-почвенников (Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова) [16, с. 32].

Список литературы

1. Андреева Л. А. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 253 с.
2. Андреева Л. А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 85–102.
3. Анисин А. Л. Принцип соборного единства в истории философской мысли: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2011. 47 с.
4. Багдасарян В. Э. Священство и власть в контексте политической мифологии // Научный эксперт. 2006. № 1. С. 75–92.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея: в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 204–285.
6. Большая Российская энциклопедия / председатель науч.- ред. совета Ю. С. Осипов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 8. (Г–Д). 767 с.
7. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 352 с.
8. Вишленкова Е. А. Идеи мира и экуменизма в политической жизни России первой четверти XIX в. // Миротворчество в России: церковь, политики, мыслители. От раннего Средневековья до рубежа XIX–XX столетий / ред. Е. Л. Рудницкая. М.: Наука, 2003. С. 199–224.
9. Гурьянова Н. С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки русской культуры, 1999. С. 142–146.
10. Иоанн (Снычёв) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: очерки русского самосознания / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. 528 с.
11. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
12. Комова Н. Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII – XX вв.: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 56 с.
13. Кондаков И. В. Русское самодержавие как феномен культуры // Введение в историю русской культуры. М.: Наука, 1994. С. 64–99.
14. Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 225 с.
15. Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 343 с.
16. Милевский О. А. Л. А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2007. 54 с.
17. О самодержавии. Речи правых в 3-й Государственной думе. Вып. 1. СПб.: Россия, 1908. 21 с.
18. Побережников И. В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX вв.) // Уральский исторический вест., 1994. № 1. С. 31–40.
19. Погожева О. В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 23 с.
20. Полторацкий Н. П. Русская религиозная философия // Вопр. философии. 1992. № 2. С. 126–140.
21. Пролубников А. В. Концепция монархической государственности Л. А. Тихомирова: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 1998. 22 с.
22. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX–начала XX вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 54 с.
23. Салтыкова С. А. Государственная защита православной веры и церковной организации в России (X–XVII вв.): дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 485 с.
24. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское Православие / гл. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. Т. 1. (А–И). 864 с.
25. Сидорова Н. И. Мистицизм в русской религиозной культуре первой четверти XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2010. 23 с.
26. Суховецкая Г. В. Культурно-исторические предпосылки модернизации России: автореф. дис. … канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2010. 39 с.
27. Тинина З. П. Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX века. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 284 с.
28. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. 432 с.
29. Халтурин Ю. Л. Отношение русских масонов XVIII–XIX вв. к православной церкви: опыт типологии // Вест. рус. христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 2. С. 24–32.
30. Хмырова С. Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX вв: дис. …канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 211 с.
31. Худушина И. Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М.: ИФРАН, 1995. 323 с.
32. Царь и царство в русском общественном сознании. Мировосприятие и самосознание русского общества: сб. ст. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Горский. М.: ИРИ РАН, 1999. 179 с.
33. Цыганов В. И. Идея русского самодержавия и её развитие в творчестве Л. А. Тихомирова: дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. 213 с.
34. Цыпин В. (протоиерей). История русской церкви (синодальный период). Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной семинарии, 2004. 241 с.
35. Шерстюк М. В. Л. А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2010. 34 с.

References

1. Andreyeva L. A. Religiya i vlast v Rossii: religioznye i kvazireligioznye doktriny kak sposob legitimizatsii politicheskoy vlasti v Rossii. M.: Ladomir, 2001. 253 s.
2. Andreyeva L. A. Khristianstvo i vlast v Rossii i na Zapade: komparativny analiz // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2001. № 4. S. 85–102.
3. Anisin A. L. Printsip sobornogo edinstva v istorii filosofskoy mysli: avtoref. dis. …d-ra filos. nauk. Yekaterinburg, 2011. 47 s.
4. Bagdasaryan V. E. Svyashchenstvo i vlast v kontekste politicheskoy mifologii // Nauchny ekspert. 2006. № 1. S. 75–92.
5. Berdyaev N. A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala KhKh veka // Russkaya ideya: v 2 t. / sost. V. M. Piskunov; komment. N. B. Zlobina. M.: Iskusstvo, 1994. T. 2. S. 204–285.
6. Bolshaya Rossyskaya entsiklopediya / predsedatel nauch.- red. soveta Yu. S. Osipov. M.: Bolshaya Rossyskaya entsiklopediya, 2007. T. 8. (G–D). 767 s.
7. Bokhanov A. N. Samoderzhaviye. Ideya tsarskoy vlasti. M.: Russkoye slovo, 2002. 352 s.
8. Vishlenkova Ye. A. Idei mira i ekumenizma v politicheskoy zhizni Rossii pervoy chetverti XIX v. // Mirotvorchestvo v Rossii: tserkov, politiki, mysliteli. Ot rannego Srednevekovya do rubezha XIX-XX stolety / red. Ye. L. Rudnitskaya. M.: Nauka, 2003. S. 199–224.
9. Guryanova N. S. Monarkh i obshchestvo: k voprosu o narodnom variante monarkhizma // Staroobryadchestvo v Rossii (KhVII–KhKh vv.). M.: Yazyki russkoy kultury, 1999. S. 142–146.
10. Ioann (Snychyov) mitropolit Sankt-Peterburgsky i Ladozhsky. Samoderzhaviye dukha: ocherki russkogo samosoznaniya / otv. red. O. A. Platonov. M.: In-t rus. tsivilizatsii, 2007. 528 s.
11. Kolesov V. V. Russkaya mentalnost v yazyke i tekste. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2006. 624 s.
12. Komova N. B. Monarkhicheskaya vlast v konservativnykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh Rossii XVIII – XX vv.: avtoref. dis. …d-ra yurid. nauk. Nizhny Novgorod, 2012. 56 s.
13. Kondakov I. V. Russkoye samoderzhaviye kak fenomen kultury // Vvedeniye v istoriyu russkoy kultury. M.: Nauka, 1994. S. 64–99.
14. Kondakov Yu. Ye. Dukhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801–1825). SPb.: Nestor, 1998. 225 s.
15. Kondakov Yu. Ye. Liberalnoye i konservativnoye napravleniya v religioznykh dvizheniyakh v Rossii pervoy chetverti XIX veka. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2005. 343 s.
16. Milevsky O. A. L. A. Tikhomirov: iz istorii formirovaniya konservativnoy mysli v Rossii v kontse XIX – nachale KhKh vekov: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Tomsk, 2007. 54 s.
17. O samoderzhavii. Rechi pravykh v 3-y Gosudarstvennoy dume. Vyp. 1. SPb.: Rossiya, 1908. 21 s.
18. Poberezhnikov I. V. Narodnaya monarkhicheskaya kontseptsiya na Urale (XVIII–pervaya polovina XIX vv.) // Uralsky istorichesky vest., 1994. № 1. S. 31–40.
19. Pogozheva O. V. Monarkhiya kak forma pravleniya v Rossyskoy imperii (istoriko-pravovoy aspekt): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2004. 23 s.
20. Poltoratsky N. P. Russkaya religioznaya filosofiya // Vopr. filosofii. 1992. № 2. S. 126–140.
21. Prolubnikov A. V. Kontseptsiya monarkhicheskoy gosudarstvennosti L. A. Tikhomirova: avtoref. dis. … kand. polit. nauk. M., 1998. 22 s.
22. Repnikov A. V. Konservativnye kontseptsii pereustroystva Rossii v kontekste istoricheskogo protsessa kontsa XIX–nachala KhKh vv.: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. M., 2006. 54 s.
23. Saltykova S. A. Gosudarstvennaya zashchita pravoslavnoy very i tserkovnoy organizatsii v Rossii (X–XVII vv.): dis. … kand. yurid. nauk. M., 2004. 485 s.
24. Svyataya Rus. Bolshaya Entsiklopediya Russkogo Naroda. Russkoye Pravoslaviye / gl. red. O. A. Platonov. M.: In-t rus. tsivilizatsii, 2009. T. 1. (A–I). 864 s.
25. Sidorova N. I. Mistitsizm v russkoy religioznoy kulture pervoy chetverti XIX v.: avtoref. dis. …kand. ist. nauk. Saratov, 2010. 23 s.
26. Sukhovetskaya G. V. Kulturno-istoricheskiye predposylki modernizatsii Rossii: avtoref. dis. … kand. filos. nauk. Rostov n/D, 2010. 39 s.
27. Tinina Z. P. Samoderzhaviye i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v pervoy chetverti XIX veka. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 1999. 284 s.
28. Uspensky B. A. Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kultury. M.: Gnozis, 1994. 432 s.
29. Khalturin Yu. L. Otnosheniye russkikh masonov XVIII–XIX vv. k pravoslavnoy tserkvi: opyt tipologii // Vest. rus. khristianskoy gumanitarnoy akademii. 2012. T. 13. Vyp. 2. S. 24–32.
30. Khmyrova S. R. Istoricheskoye soznaniye russkogo naseleniya Sibiri vo vtoroy chetverti XVIII – kontse XIX vv: dis. … kand. ist. nauk. Barnaul, 2006. 211 s.
31. Khudushina I. F. Tsar. Bog. Rossiya. Samosoznaniye russkogo dvoryanstva (konets XVIII – pervaya tret XIX vv.). M.: IFRAN, 1995. 323 s.
32. Tsar i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii. Mirovospriyatiye i samosoznaniye russkogo obshchestva: sb. st. Vyp. 2 / otv. red. A. A. Gorsky. M.: IRI RAN, 1999. 179 s.
33. Tsyganov V. I. Ideya russkogo samoderzhaviya i eyo razvitiye v tvorchestve L. A. Tikhomirova: dis. … kand. yurid. nauk. Nizhny Novgorod, 2000. 213 s.
34. Tsypin V. (protoiyerey). Istoriya russkoy tserkvi (sinodalny period). Sergiyev Posad: Izd-vo Moskovskoy dukhovnoy seminarii, 2004. 241 s.
35. Sherstyuk M. V. L. A. Tikhomirov: obreteniye religioznogo mirovozzreniya: avtoref. dis. …kand. ist. nauk. M., 2010. 34 s.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2013 г.